

Ночные летописи Геннадия Доброва

«Ночные летописи», фрагмент которых о жизни и учёбе в МСХШ предлагается к публикации, появились, благодаря трагическим обстоятельствам в жизни художника. К началу 2006 года он практически ослеп. Это стало следствием и диабета, и гипертонии, и нескольких тяжёлых поездок в Афганистан... Он потерял возможность работать на холсте, рисовать на бумаге, писать ручкой, самостоятельно передвигаться по улице. Это было невыносимо мучительно для его деятельной натуры. К тому же наша мастерская на Таганке, где мы жили, не отапливалась уже несколько лет, и согреться приходилось печками и грелками.

И тогда пришла мысль о записи воспоминаний на диктофон, как единственной возможности как-то реализовывать себя. Был куплен цифровой диктофон, освоено управление: включение-выключение. Записи проходили в морозном январе-феврале по ночам, в полной тишине, темноте и одиночестве. Художник лежал, обложенный грелками, бутылками с горячей водой, укрытый одеялами и шубами. Он был наедине со своими дорогими воспоминаниями... Рассказывая, он переживал и плакал, иногда смеялся, иногда, вспоминая что-то, напевал... После каждого такого ночного сеанса давление у него зашкаливало.

Сам он называл эту работу «Ночные летописи». Общая их продолжительность 163 часа, это повесть обо всей его жизни. Расшифровывая её теперь, я слышу его родной голос, проникаюсь его мыслями и чувствами. Он по-прежнему рядом со мной...

В распечатанном неотредактированном варианте «Ночных летописей» я пытаюсь максимально приблизиться к его речи, передать интонации, оттенки настроения. Этим объясняются многочисленные нарушения грамматических, стилистических и прочих правил правописания.

Людмила Доброва. Ноябрь 2012

...Вообще, воспоминания - это такая странная вещь. Они не стоят так перед глазами, как, например, прочитанная книга, когда можно пересказать всё содержание по-порядку. А что-то кажется ярче, какие-то воспоминания кажутся главными, а какие-то воспоминания совершенно забываются. И потом только, когда уже всё скажешь, думаешь - ой, что же я не сказал-то, это было же так важно...

Вот, например, среди детей, которые приехали из разных городов Советского Союза... Они были, конечно, неподготовленные не только к жизни в Москве, но даже к восприятию большой огромной культуры - и русской, и мировой. Всё познавалось постепенно, и как бы, приоткрывались каждый раз какие-то новые двери в какие-то новые миры, где детьми делались открытия, давно-давно уже осознанные всем миром, и принятые, и включённые в сокровищницу великого искусства: искусства живописи, искусства архитектуры, искусства музыки, искусства литературы.

У нас был такой мальчик Юра Грачёв. Он был москвич, но по сравнению с другими ребятами, которые жили очень состоятельно, и даже богато (я уже говорил, какие тут дети были - самые разные, самых крупных деятелей)... У Юры папы не было. А мама была, но она была инвалидка, без одной ноги. Но он сам был очень приятный такой мальчик, душа, вообще, класса, все его очень любили. И дружили с ним.

А первоначально... Несмотря на то, что я в Омске жил, и папа у меня был там председателем Союза художников, но классическую музыку я впервые услышал только у Юры дома. Он пригласил ребят, они пригласили меня, и мы пошли к Юре. Это была совсем небольшая комната. Мама у него там за печкой сидела, уступила место ребятам. Располагаться было негде, но там была кровать

такая большая. И вот мы все залезли на эту кровать - кто поджал ноги, кто, наоборот, вытянул. И так тесно-тесно друг к дружке сели, и приготовились слушать. (Далее у Гены голос дрожит).

А у Юры... Не то у него был проигрыватель, не то он только купил проигрыватель и пластинки... И, вдруг, зазвучала музыка Бетховена. Это было настолько неожиданно, настолько потрясающе, да ещё так громко... Это симфония его... И мы были так неподготовлены, ну, может быть, некоторые ребята уже слышали, но я, вот, совсем... Первый раз только я слышал. Я забыл обо всём. О том, что мы сидели тут в тесноте, что неудобно было... Было так тихо, мы только слушали эту музыку. Все были совершенно раздавлены этими звуками, этой мощью, этой гармонией. Никто ничего не говорил, никто не шевелился даже. И... это, конечно, был не зал консерватории, это, вот я говорю, была... обыкновенная комната в каком-то таком доме стареньком, где, там, полы скрипели, всё это, как бы, было кривое, кособое, вот этот дом, видимо, даже на слом шёл... И вот в этой обстановке, вдруг, Бетховен. Вдруг, необыкновенные пассаты, необыкновенные раскаты музыки... Это было что-то... что-то совершенно новое, что-то до того было... до того было могучее, мощное, гениальное. Все были, конечно, так... Вот в таком виде, в такой обстановке было знакомство, первое знакомство с классической музыкой.

Ну, правда, среди этой вот компании Юры Грачёва был один мальчик, Володя

Дубовиков, который, может быть, даже перед тем, как он пришёл к нам в школу, он, наверно, где-то там... Не помню... Но он играл, играл уже на пианино.

А в школе я уже говорил, на сцене стоял рояль большой. И вот когда он сел за рояль, начинал играть, все обступали этот рояль со всех сторон, и следили - как у него руки двигаются, как он играет, какие звуки. Это просто вот... Мир музыки близок к миру живописи. Близок он даже не то, что близок, он ещё более таинственный. Я вот до сих пор не понимаю - как из ничего, вдруг, совершенно появляются звуки - то такие мелодичные, которые разливаются... Буквально тебе кажется - какие-то озёра в музыке текут... Какие-то там такие облака, длинные такие... То, вдруг, там скалы, то там море... Это что-то каждый раз... И я думаю - как? Откуда это всё берётся? Как бы параллельный такой мир - мир прекрасных звуков, мир живописи, мир стихов... Он ничего не создаёт, ничего не даёт... Но он зато человека, как бы, очищает до того, что... слушая, например, музыку, вдруг, ни с того, ни с сего начинают течь слёзы... Человек плачет, просто иной раз даже навзрыд плачет и не может остановиться (Гена плачет сам). Как его душа бывает потрясена...

Я один раз в Новосибирске зашёл в театр «Красный факел». А там шла опера «Травиата» Верди. И я сидел наверху, на балконе. Недалеко от меня сидел какой-то простой, просто одетый человек такой... Ну, он не из мира художников, не из мира музыкантов.

«Юный художник». 1962. Автолитография

А просто... Я думаю даже, может быть, он первый раз попал в театр. И вдруг, когда вот полились звуки этой гениальной оперы, когда он стал следить за развитием сюжета, когда там Травиата заболела, умирала... И вдруг, этот человек, который сидел, вот, немножко так ниже меня на 1 ряд, и, так, слева... И вдруг, я вижу, что он плачет. Он так смотрит на сцену, и наверно, он подумал, что это всё на самом деле там, хотя играли артисты... И вот он плачет, слёзы у него текут по лицу... А потом он так разрыдался, так плакал громко, что все даже стали обращать внимание на него. А он не мог остановиться, так на него подействовало вот это вот соединение музыки, слов, на сцене. Я думаю, что этот человек, потом, когда вышел из театра, что у него душа стала уже другой, чем до того момента, когда он вошёл в театр. Что что-то с ним произошло, как греки называли, катарсис, потрясение души. Потрясение, очищение какое-то, вот, через слёзы, через какой-то восторг...

Вот так бывает, когда человек встречается с чем-то великим... Ну, а великое - оно живёт. Но оно, как-то вот, где-то рядом... И часто просто оно до тех пор мёртвое, пока его не касаешься. Когда оно прикоснётся к душе, и обожжет её, вот тогда только понимаешь, что это..., что это такое... Это величие - величие мысли, величие музыки. Ну, в общем, великое - и в живописи, и в словах. Бывают, ведь, слова великие. Такое слово скажет, ну, думаешь, что твоя жизнь..., что перед этой истиной сказанной...

У нас был кинотеатр «Ударник», он был близко от Лаврушинского переулка. Я помню, тогда начали показывать фильмы заграничные, какие-то они были совершенно другие, чем наши советские фильмы. В них не было такого безудержного оптимизма, но была какая-то потрясающая такая правда жизни. Вот, помню, был фильм, назывался «Чайки умирают в гавани», бельгийский фильм. И все на него бегали на этот фильм, рассказывали. Я тоже пошёл, посмотрел. И я, вот, увидел там безработного, как ему трудно, там, было... И, в общем, в конце концов, он умер, там, в этом порту. Но это даже сюжет не точный. Но главное то, что я увидел искусство какое-то другое, чем то, которое, вот, было в Сталинскую эпоху, такое официальное искусство. Другое. И вот эти вот, такие вот, как бы, соприкосновения - то с музыкой, то с кинофильмом каким-нибудь, то с литературой...